

Р. Светлов

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР И КРЕЩЕНИЕ РУСИ.

Принятие христианства на Руси - событие, которое всегда привлекало к себе внимание не только ученых (светских и церковных), но также политиков и общественных деятелей. Это - один из тех начальных пунктов истории Руси-России, который в наибольшей степени определил цивилизационный «вектор» ее существования. При каждом решительном повороте российской истории обращение к ее историческому фундаменту очевидно и естественно: осмысление будущего пути невозможно без обращения и оценки опыта прошлого.

Крещение стало событием не только религиозной истории; оно оказало решающее воздействие на судьбы государственного строительства, культуры и общественной жизни. В известной степени 988 г. это - «точка бифуркации», то есть момент, когда древнерусское государство должно было выходить на иной уровень своего существования, либо же оставаться конгломератом разнородных земель, объединенных внешней по происхождению элитой, а потому обреченной на будущий развал (как это произошло с Великоморавской державой), за которым последовало бы появление нескольких локальных княжеств. Конечно, древнюю Русь скрепляли великие реки, являвшиеся и торговыми путями и, долгое время, главными линиями коммуникаций (Волхов, Днепр, Волга). Варяжские дружины поставили их под свой контроль еще за столетие до крещения. Однако эта, «материальная», предпосылка была только необходимой причиной формирования древнерусской государственности. Период «феодальной раздробленности» показывает, насколько призрачно такое, материальное и «пространственное», единство. Для того, чтобы свершилось создание новой, устойчивой, государственности, нужна была еще и достаточная причина. А таковой могла стать лишь традиция, склад жизни и памяти, который объединил бы полян и словен, древлян и кривичей, вятичей и северян, пришлых и местных. Вероятно, осознавая это, Владимир пытался ввести в Киеве почитание Перуна, однако те формы язычества, которые существовали в то время в Восточной и Северной Европе, не представляли собой единых традиций и не были катализаторами государственного строительства, соответствуя породившей их «эпической» догосударственной эпохе.

Таким образом, выбор киевского князя должен был стать решающим событием в жизни Древнерусского государства. Утверждать, что Владимир был духовно и религиозно «чувствительным» человеком, едва ли возможно. Князь, силой взявший верховную власть, жестко и порой жестоко боровшийся против тех, кого считал своими врагами, известный своим «любострастием», правитель, которого некоторые современные зарубежные авторы иногда аттестуют примерно так: «жестокий варяжский конунг, обладатель огромного гарема», - не мог быть возвышенным духовным искателем. Однако даже при такой, очевидно сниженной, трактовке его образа мы должны признать, что князь Владимир совершил удивительно точный духовный выбор, предопределивший историю России.

И вновь можно говорить о том, что крещение было промыслительно приурочено предшествующей историей распространения христианства на территории будущей Руси. Т.н. «первое крещение» русов/росов в 860-х гг. (по самой романтической версии - под стенами Царьграда) едва ли затронуло широкие слои приднепровских славян, однако то, что христиан в Киеве было много еще до обращения Владимира - несомненно. Крещение княгини Ольги/Елены в Константинополе, посольство епископа Адальберта к ее двору, показывают, что христианство уже всерьез рассматривалось древнерусской элитой в качестве внутреннего стержня развивающегося государства. Есть свидетельства о симпатиях к христианству Ярополка Святославовича, находившегося в активных дипломатических отношениях с христианским Западом. Христианство проникало и в

северные области Древнерусского государства, возможно, благодаря оставшимся безымянными ирландским миссионерам.

Казалось бы путь Руси был predetermined. Однако именно в таких ситуациях могут происходить удивительные исторические казусы. Принципиальное язычество Святослава, уже упоминавшаяся первая, «перунова» реформа Владимира демонстрируют, насколько противоречива земная история. Наконец, предание об «испытании» религий, устроенном Владимиром, подсказывает, что все могло быть по-иному. Трудно сказать, насколько Русь оказалась бы отделена от Европы в случае, если бы Владимир отдал предпочтение иудаизму или исламу. Как ни парадоксально, но выбор последнего (например для того, чтобы не быть политически привязанным к христианским соседям на юге и западе) абстрактно был вполне возможен. Вопреки тому, что ислам часто трактуют как «религию юга», опыт Золотой Орды и ханств, наследовавших ей, доказывает, что тот мог быть вполне успешным ферментом для государственного строительства и в широтах «Черноземья». Однако цивилизационная судьба нашей родины в таком случае оказалась бы иной. Можно даже утверждать, что тогда не было бы России не только с точки зрения ее культуры, но и России как «имперского» проекта, сумевшего отстоять право иметь свое лицо в ситуации тысячелетнего пребывания на «передовой» между Западом и Востоком.

Действительно, крещение, принятое из рук Царьграда, привело к «миграции» в Древнюю Русь многих явлений, которые в последующем станут называть «византизмом». Но ведь далеко не все «византийские» черты столь ужасны, как об этом нам говорят некоторые современные историки. Став частью симфонии христианского мира, русское Православие смогло не только сохранить собственную суть, но и наделить способностью к сохранению своего лица и исторической памяти огромную и, строго говоря, разнородную территорию, именуемую Россией. Уже увядавшая византийская «цветущая сложность» (если использовать слова К. Леонтьева) стала образцом для российской. Получилась удивительная вещь: самостоятельность русского/российского Православия в рамках соборности Православных Церквей стала образцом для российской государственности, объединившей в себе множество разноречивых регионов, и, что самое главное, позволившей сохраниться этому разноречию и, даже, разнoverию вплоть до XXI столетия.

Поэтому решение князя Владимира было не только актом политической воли и проявлением зрелой государственной предусмотрительности. Крещение Руси стало величайшим духовным актом, так как в нем было предположено и задано будущее России. Исторические «волны», вызванные этим событием едва ли утихнут при жизни ближайших поколений, а потому мы будем свидетелями еще не одной попытки заново оценить или «переоценить» события, связанные с духовным и цивилизационным выбором 988 года.